

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013.42

З.А. Аксютин, О.А. Озерова

РИСКИ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ РЕПРЕССИЯМИ 30-х гг. XX в.

Статья выявляет риски социального воспитания детей мусульман, родители которых были репрессированы в 30-е гг. XX в. Доказано, что политические репрессии, направленные на детей, влияют на деструктивность всей последующей жизни человека и отражаются на социальном развитии следующих поколений. Обобщены приемы социального воспитания. Сделан вывод о том, что политические события прошлого влияют на последующие поколения этнических групп и общество в целом.

Ключевые слова: социальное воспитание; виктимизация; риски; приемы воспитания; политические репрессии; мусульмане; социальная стигматизация; буллинг.

Под рисками социального воспитания подразумеваются условия и обстоятельства, способствующие неблагоприятному протеканию социализации и адаптации развивающейся личности в обществе.

Современное общество сталкивается с множеством социальных, психологических, политических и иных проблем. Эти проблемы затрагивают как взрослых, так и детей. Основные риски заключаются в социальных условиях, существующих на конкретном этапе исторического развития общества.

Негативные общественные явления, происходящие с детьми, приводят их к кризису существования. Полагаем, что причиной, вызывающей этот распад, являются последствия социального воспитания в условиях тоталитарного социализма.

Публикаций, посвященных детям – жертвам политических репрессий, в социально-педагогических исследованиях не обнаружено. Это связано с тем, что социально-педагогическая виктимология находится в стадии своего формирования. Вместе с тем есть ряд публикаций, посвященных проблематике социально-педагогической виктимологии.

Одной из первых работ, поднявших проблему виктимности детей, был научный труд А.В. Мудрика. Им введено в научный оборот понятие «жертва социализации» и выделен диссоциальный тип воспитания. Диссоциальное воспитание препятствует благоприятному процессу социализации [1]. И.В. Журлова обобщила результаты публикаций по социально-педагогической виктимологии и опубликовала работу с аналогичным названием. В указанной работе были выделены основные группы социально уязвимых категорий детей, даны их социально-виктимологические характеристики, обозначены особенности и проблемы социализации [2]. Н.А. Барановский демонстрирует становление виктимологии как отрасли научного знания, выделяет основные разделы, обосновывает актуальность и необходимость исследований в данной области [3]. А.И. Тесля обращает внимание на социальную виктимологию, раскрывая ее как новое научное направление в социальной работе, приводит основные методологические компоненты ее изучения и демонстрирует возможности применения научного знания на практике [4]. Социальная и социально-педагогическая виктимологии тесно взаимосвязаны.

П.Ю. Утков обращает внимание на необходимость специальной подготовки социальных педагогов в вузах по предотвращению преступлений в отношении детей и защите их законных интересов [5].

В.Н. Наумчик и М.А. Паздников обращаются к проблеме ненасильственного воспитания подрастающего поколения. Главным в их исследовании выступает категория «свобода» [6].

Н.К. Плавник, раскрывая характеристики «трудных» детей, выявил основные причины, приводящие к затруднениям в ходе их социализации [7].

Е.Н. Волкова предприняла попытку обобщения зарубежного и отечественного опыта по предотвращению насилия в отношении детей. Основной упор в исследовании был сделан на межведомственное взаимодействие при решении вопросов профилактики насилия в отношении детей. Кроме того, были проанализированы правовые аспекты насилия над детьми [8].

Имеющиеся работы не дают представления о существующих рисках социального воспитания в условиях тоталитарного социализма, что усиливает потребность в научном осмыслении этих рисков.

Для достижения задач исследования в работе был использован историографический анализ, который позволил обобщить исторический опыт, связанный с репрессиями в отношении мусульман и их детей, проживавших в Западной Сибири, и преломить исследование исторических фактов в русло социально-педагогического исследования. Одними из первых к историческому анализу этой проблемы обратились З.Е. Кабульдинов (Казахстан) и О.А. Озерова (Россия) [9]. Кроме того, историографический анализ позволяет на основе принципа территориальности выявить характерные особенности социального воспитания детей мусульман в условиях преследований. В качестве единицы анализа был взят конкретный случай, который и является тем эмпирическим материалом, который подвергается научному анализу.

Авторы исследования, обращаясь к традициям философии и опираясь на труды Х. Патнэма и Дж. Беркли, провели мысленный эксперимент для осмысления и понимания произошедших событий в 1930-е гг. За основу были взяты субъективные переживания жертв репрессий, что дало возможность выполнить анализ исходного эмпирического материала.

Интервьюирование, направленное на сбор информации о переживаниях событий, последовавших в отношении детей мусульман, родители которых были репрессированы, осуществлялось как с отдельно взятыми респондентами, так и с малыми группами. Метод позволил выявить последствия политических репрессий для конкретных людей, жертв тех событий во втором и последующих поколениях.

Рассмотрим в качестве причины, приводящей к виктимизации детей мусульман, политические преследования их родителей в 1930-х гг. на территории Омской области. Отследим, как ситуация социального воспитания в условиях политических преследований отражается на социальном развитии детей.

Участь мусульманского населения, с одной стороны, не желавшего выполнять непосильные требования местных властей, а с другой – желавшего сохранить традиционные этнорелигиозные ценности, не сопрягавшиеся с идеологией советской власти, была трагична. Взрослым присваивалась социальная стигма «враг народа». Дети же в полной мере испытывали все тяготы притязаний со стороны официальных органов власти. Как указывает экс-губернатор Омской области Л.К. Полежаев, обличая официальную власть: «...это продумано в Кремле: дети старше 15-летнего возраста могли быть арестованы и расстреляны, мо-ложе – размещались в спецдетдомах, им меняли фамилии, разлучали с братьями и сестрами. Делали все, чтобы ребенок не знал, кто он и откуда» [10. С. 4]. Этот факт находит отражение и в официальных документах. В соответствии с оперативным приказом НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1936 г., подписанным Н. Ежовым, детей, родители которых были осуждены, дифференцировали по степени социальной опасности. Детей из числа особо социально опасных подвергали заключению, отправляя в лагеря или исправительно-трудовые колонии, находящиеся в ведении НКВД. Там дети, наравне со взрослыми, испытывали все тяготы тюремной жизни. Дети младше пятнадцатилетнего возраста направлялись в детские дома особого режима, созданные специально для этой категории детей [11]. А приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., имеющим гриф «Совершенно секретно», утверждается плановое количество людей, подлежащих репрессиям. Так, для Омской области это 1 000 чел. I категории и 2 500 чел. II категории [12].

Дифференциация детей по степени социальной опасности выступает в качестве антигуманного отношения к детям, и вполне очевидно, что она является одним из ключевых рисков социального воспитания. Стигматизация по степени социальной опасности нашла отражение в травматизации психики детей. Особенно чувствительными к этой ситуации были дети подросткового возраста и старше.

На первый план идеологической работы с детьми выходила необходимость формирования ненависти как к социально стигматизированным взрослым с ярлыком «враг народа», так и к их детям. Как вспоминает жертва тех событий Риза Кажимович Мадиев, отец которого был репрессирован, такого рода ненависть имела двусторонний характер и передавалась как от взрослых к детям, так и от детей к взрослым.

Травля детей более выраженно происходила на вербальном уровне. И взрослые и дети обзывали Риза волчонком. Нестерпимой болью для растущего еще человека были унижающие достоинство слова учителя в его адрес: «волчонок – сын волка». Мальчик, ощущая унижение, пытаясь избежать агрессии со стороны людей, убежал в другой населенный пункт, потеряв при этом постоянное место проживания и связь с родственниками. В последствии Ризе Кажимовичу было отказано в приеме в пионерию и комсомол [13. С. 300–308]. Такие поступки учителей глубоко травмировали ребенка, откладывались в сознании, хранились в памяти не преодоленной болью долгие годы. Мальчик попал в ситуацию социальной дезадаптации.

Психологические травмы, полученные в детстве от значимых педагогов, оставляют отпечаток на последующее социальное развитие человека и его жизненный путь. Основные эмоции детей, испытывавших на себе психотравмы от несправедливой травли учителей и окружения, – это обида и чувство несправедливости. Слова и выражения, оформленные в вербализованные агрессивные формы, часто инициировались взрослыми, что не давало возможности ребенку восстановить свой статус.

Г. Гентинг в работе «Преступник и его жертва. Исследование по социобиологии преступности» отмечал, что дети, национальные меньшинства и «иноверцы» имеют особую притягательность для преступников [14]. В ситуации детей мусульман все эти характеристики в суммарной совокупности стали ключевыми. Национальность ребенка, выступавшая физиологически обусловленной данностью, становилась источником попадания в группу жертв.

Гонимым общественным осуждением стал и восьмилетний мальчик Хамит Иноятов, проживавший в д. Рачапово (Тарский район Омская область). Он бежал на рудник Жолымбет (Казахстан), не выдержав осуждения и косых взглядов соседей после ареста отца Сафара Иноятова. О непростой судьбе своего отца Хамита Сафаровича, ставшего жертвой сложившихся обстоятельств, рассказал его сын Асхат Хамитович Иноятов (г. Астана, Казахстан) [15]. Историческая память, связанная с унижением детского достоинства, передается от поколения к поколению и накладывает отпечаток на восприятие мира всеми членами семьи Иноятовых. Это проявляется в чувстве обиды и униженности по отношению к официальной власти тех времен, кроме того, ярким проявлением последствий гонений является недоверие к официальной власти со стороны жертв репрессий. Борьба с детьми имела вербальные и невербальные проявления. Это способствовало повышению виктимности детей, попавших в ситуацию социального риска.

Трагедия политических репрессий привела к тому, что дети, проживавшие на территории степных районов Омской и Новосибирской областей, начали массово мигрировать в соседний Казахстан. Плохое владение или полное незнание русского языка стало причиной массовой миграции детей мусульман в сторону Казахстана. Анализ архивных данных показывает, что в течение первых четырех месяцев 1933 г. на улицах казахских поселений задержали около 25 тыс. детей,

бежавших из Западной Сибири. Общее число детей в детских домах за период с января 1932 г. по май 1933 г. увеличилось с 7 446 до 69 100 чел. Социальная ситуация массового бегства детей усугублялась голодом, распространявшимся на территории Казахстана в этот период. Приведенные факты позволяют утверждать, что дети, попадая в ситуацию рисков, обусловленных политическими и социальными событиями, пытались покинуть родные места проживания для преодоления давления общества, стигматизации и прямой агрессии. Сложившаяся социальная ситуация привела детей мусульман к их виктимизации, проявившейся в движении от массового социального сиротства до физической гибели.

В 1932 г. житель д. Черноусовка (Омская область) Устин Дробатенко писал в письме, отправленном председателю ЦКК-РКИ (центральная контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции) Я. Рудзуту: «У нас за первый квартал умерло от голода 90 человек. Рядом у нас, 10 километров, – Казахстан. Там еще “лучше” обстоит дело. По дорогам валяются кости людей, и детишки оставлены в юртах» [16. С. 59]. Честные партийцы также обращали внимание на положение детей. К. Савченко, руководивший Деткомиссией при ВЦИК, писал из Казахстана об ужасающем положении детей: «Дети голодные и голые, в отдельных детдомах смертность в течение одного месяца доходила до 50%. Например, в Аулиз-Ата за 27 дней умерло 218 детей из 428, в другом – из 484-х умерло 212... Категорически настаиваю перед прокуратурой и полпредством ОГПУ немедленно расследовать количество смертей в детдомах и больницах. Причины смертности и виновных в гибели детей карать самыми суровыми мерами» [9; 17. С. 81]. Бездействие, игнорирование устройства детей, оставшихся без попечения родителей, стали характерной чертой социальной политики официальной власти того периода. Последствиями рисков социального воспитания стали голод детей и резкое увеличение смертности среди них. Общеизвестны медицинские данные о том, что голод и недоедание в детстве сказываются на последующем соматическом развитии человека, формировании хронических заболеваний. При этом статистические данные по смертности детей в период 1930-х гг. столь устрашающи, что полной картины трагедии не представляется возможным восстановить. В настоящее время имеются лишь мозаичные архивные данные.

Политические репрессии начала 1930-х гг. привели к бедственному социальному положению детей казахской и татарской национальностей в силу ряда обстоятельств. Первое заключалось в том, что в тюркоязычных семьях были крепкие традиции этнического воспитания, связанные с сохранением национального языка как части культуры мусульман Сибири, и конфессионального воспитания, связанного с тесным влиянием ислама на весь уклад жизни. Эти традиции выхолащивались властью как несвойственные и чуждые для советской ментальности. Дети же, оставшиеся без попечения родителей и забытые местными властями, интуитивно шли в сторону Казахстана, где была родная для них языковая среда.

Вторым обстоятельством было то, что климатические условия в Казахстане были более мягкие по сравнению с Сибирью. Предполагалось, что в таких климатических условиях детям будет значительно легче выжить, найти хоть какой-то кров и пищу. Распространенным среди детей был своего рода девиз «Там тепло, там яблоки». Но именно в 1930-е гг. в Казахстане начинается массовый голод (охвативший и обширные территории СССР), вызванный официальной политикой уничтожения кулачества как класса, коллективизацией и конфискацией скота. Все это усугубило ситуацию гонимых детей.

Третье обстоятельство диктовалось тем, что часть детей рассчитывала на воссоединение с родственниками, проживающими на территории Казахстана. Дети надеялись, что родственники их примут и приютят, что было характерно для людей, исповедующих ислам.

Требование борьбы с детьми как с социально опасной категорией было дано «сверху». Доказательством этого является ограничение детей «врагов народа» в получении профессионального образования в области авиации, оборонной сферы, военного дела. В другие учебные заведения дети репрессированных могли быть приняты при условии публичного отказа от родителей. В дальнейшем их не принимали в пионерскую и комсомольскую организации, за ними осуществляли длительный тотальный контроль различные партийные и фискальные органы советского государства. Таким образом, официальные власти стремились к ограничению последующей социальной активности детей «врагов народа», опасаясь сопротивления и протестных действий с их стороны.

Особый контроль за детьми, родители которых считались «врагами народа», осуществляли комсомольские активисты. В подростково-молодежной среде учреждений просвещения формировалась и всячески поддерживалась атмосфера доноительства. Для исключения из вуза было достаточно лишь одного доноса. По инициативе бдительных комсомольцев создавались комиссии, проводившие «чистки» студентов. Например, в г. Омске была выявлена «засоренность студенчества социально-чуждыми элементами в вузах», что повлекло отчисление десяти человек – «детей служителей культа» и двух человек из числа «торговцев» [18], и это лишь за один рейд.

Данное обстоятельство формировало чувство страха, отчужденности и способствовало социальной отстраненности детей «врагов народа» от социальных событий, происходящих в стране. Социальная политика по отношению к детям «врагов народа» приводила к ограничению их социальной активности, формированию пассивности и нарушению дальнейшего социального развития целого поколения.

По свидетельствам Амины Альмухаметовны Нигматуллиной, полученным в ходе интервьюирования, дети «врагов народа», став взрослыми, продолжали быть социально стигматизированными, и это находило отражение в том, что им не удавалось продвигаться на руководящие должности. Так, ее супруг Н. Нигматуллин в 1979 г. был рекомендован педагогическим коллективом на должность директора Омского педагогического училища № 1, где работал длительное

время. Однако на эту должность он не был назначен из-за наличия социальной стигмы – сын «врага народа». Этот факт на протяжении всей жизни вызывал чувство несправедливости, униженности и морального страдания. Нигматулла говорил своим детям: «Вы люди второго сорта, поэтому должны получить хорошее образование, чтобы хоть немного быть равными им (русским. – *Прим. авт.*)». Всю жизнь в душе он нес глубокую психологическую травму от того, что отказался от репрессированного отца, дабы получить высшее педагогическое образование. Дети Н. Нигматуллина лишь в 1992 г. узнали, что их дед был репрессирован и посмертно реабилитирован. До сих пор семья Нигматуллиных не может принять эти факты без душевной боли.

Сотрудники НКВД пытались использовать детей против родителей, вербуя их для осуществления слежки за близкими, доноительства. Поступая в Омский медицинский институт, Галым Кантарбаев не указал, что он сын крупного бая. Такое поведение молодого человека в 1937 г. органами НКВД расценивалось как преступное, и молодой человек был в принудительном порядке вынужден сотрудничать с органами. Спустя некоторое время Галым Кантарбаев тайно встретился со своим отцом и предупредил его об опасности ареста. Галыма арестовали и 28 августа 1938 г. осудили на 10 лет за то, что «предупредил отца, после чего тот скрылся». В 1939 г. после пересмотра дела он был освобожден, однако в 1949 г. следствие вновь вернулось к этому делу. Лишь 28 февраля 2002 г. Омская прокуратура полностью реабилитировала Галыма Кантарбаева. Данный случай демонстрирует деструктивное влияние официальной власти на детско-родительские отношения, а именно на вмешательство государства в семью и разрушение существующих семейных отношений. История развития человечества была направлена на формирование единения внутри семьи по принципу кровного родства, а в период репрессивной политики эта ценность семьи подверглась жесткой ревизии и разрушению как несоответствующая существующей идеологии. Полагаем, что эта политика нашла отражение в коренном изменении отношения к семье. Семья стала чем-то неопределенным, имеющим тенденцию к разрушению.

В сельских поселениях силами преданных советской системе учителей осуществлялась плановая педагогическая система психологической обработки детей, призванная сформировать непримиримых борцов с заклятыми врагами советской власти. Детям внушалась классовая ненависть к баям, кулакам и муллам. Во внимание власти не входило понимание тысячелетней истории развития ислама, не учитывалось то, что традиции татар и казахов были тесно переплетены с религиозностью, а семейные ценности выступали ключевыми. В газете «Красный Алтай», выпускавшейся в Барнауле, писали, что таких людей надо «бить дубьем» и «рублем» [19].

По свидетельству А.А. Нигматуллиной, в священный месяц Рамадан жителям сельской местности, исповедующим ислам, которые работали на полях, насильно вливали воду в рот, дабы «отвадить от ве-

ры» и остановить пост, а затем их публично высмеивали. Таким образом, в сознании детей формировали негативный образ не только к мусульманскому духовенству, но и к родителям, исповедующим ислам. Свидетельства очевидцев позволяют говорить о том, что именно в тоталитарном обществе началось разрушение традиционных устоев семьи и нравственности, базирующихся на религиозном сознании. Раскол отношений между поколениями усугублялся социально-политическими условиями, в которых развивалось поколение детей 1930-х гг.

Глубоко верующие родители в страхе быть арестованными по религиозным мотивам в периоды постов плотно завешивали окна домов, чтобы снаружи не было видно огня печей, где пища готовилась в ночное время. Мать А.А. Нигматуллиной просила своих шестерых детей на все вопросы других взрослых отвечать «не знаю». Категорически запрещалось читать молитвы вслух, поэтому было необходимо проговаривать их про себя. По ее свидетельствам, ситуацию устрашения использовали руководители сельских поселений в личных целях. Так, председатель колхоза д. Ашаван (Усть-Ишимский район Омской области) принуждал детей работать на своем подворье, обещая им трудодни. Если дети отказывались от работы, то он их всячески запугивал. Тем же, кто работал, никаких трудодней не давал, тем самым формируя в детских душах недоверие к советской власти, страх, раболепство и угодничество.

По данным Ж. Фазлыева, только в 1929–1930-х гг. уничтожено большинство мечетей, расстреляно 40 тыс. мулл. Религию отделили от государства. Общественные учреждения религиозного культа, само религиозное мировоззрение, традиционные ритуалы, заменили на «общение с кружкой пива или стопкой водки» [20. С. 222–223]. Свидетельства участников фокус-группы, являющихся представителями семей, где были репрессированы родственники, показывают, что представителям власти было выгодно спаивать представителей татарской и казахской национальностей, чтобы они безропотно трудились в отдаленных от места постоянного проживания районах Севера. Таким образом, стимулировали распространение пьянства, не характерного для мусульман, и разрыв семейных отношений. В этой атмосфере росли дети, которые в дальнейшем уже не считали распитие алкогольных напитков недопустимым поведением. Сегодня распространение пьянства и алкоголизма в молодежной среде представителей тюркских народов стало повседневной практикой.

Обыденной практикой стало сокрытие от близких родственников информации об арестованных. Те же всячески пытались добиться истины, писали в Москву, ожидая информационной помощи. Исследователь А.К. Бескемпирова приводит пример семьи Саптаева. Глава семьи Г. Саптаев был арестован 24 сентября 1937 г. и расстрелян на следующий день. Его безуспешно искал сын Майкы, писавший в разные инстанции с просьбой сообщить – вплоть до 3 марта 1940 г. – хоть что-то о судьбе отца [13. С. 276–277]. Были случаи и открытой лжи. Репрессированный Мухамед Иноятов (г. Тара, Омская область) расстрелян 17 ноября

1937 г. Однако сотрудник милиции сообщил его сыну о смерти в лагере, датировав ее 11 апреля 1942 г. Шаукат Иноятов, не поверивший в эту информацию, продолжал искать правду. Лишь в 1958 г. Омская областная прокуратура сообщила истинную дату смерти его отца [21]. Многие годы ЦК ВКП(б), органы ОГПУ, а затем и НКВД держали в строгой секретности данные о приговорах и расстрелах. В результате чего многие дети не владели информацией о судьбах своих родителей, не знали, живы они или нет. Так осуществлялась попытка предупреждения социального взрыва недовольства политикой власти. Большая часть населения, особенно в отдаленных северных районах Омской области, оставалась в полном неведении. Произошла потеря чувства справедливости в отношениях между властью и гражданином. Стоит ли удивляться закрытости тюркских народов, проживающих на территории Западной Сибири, их нежеланию «впускать» в свою жизнь людей извне, избеганию тесного взаимодействия с чужаками?

Репрессии в отношении детей имели широкую распространенность. Под пристальное внимание органов ОГПУ-НКВД незамедлительно попадали даже те из них, кто осмеливался говорить об ошибках ареста их родителей или незаконности. Например, после ареста А.З. Сабитова все его несовершеннолетние дети были арестованы 25 октября 1937 г. А.З. Сабитов был осужден по пп. 2, 6, 8, 9, 11 ст. 58 УК РСФСР и расстрелян 2 ноября 1937 г. Его дети Габдин и Вагиза провели в местах лишения свободы по 10 лет [22]. Этот же срок отбывал в лагерях несовершеннолетний Аптрахим, сын расстрелянного по ст. 58 С. Авалова, жителя д. Ильчебага (Усть-Ишимский район Омская область) [23]. Несовершеннолетний Зариф, проживавший в д. Юйсково (Коловский район Омской области), был осужден по ст. 58 и отправлен в ссылку в северный район [24. С. 83]. Эти дети навсегда были лишены возможности получить образование, соответствующее их возможностям, быть избранными в органы власти, подвергались осуждению со стороны окружающих и т.д. Такой надлом в социальном развитии трудно оценить в полном объеме.

Трагическая судьба репрессий была уготована целым семьям. Житель г. Тара (Омская область), семидесятичетырехлетний глава семьи Шарип Бакирович Кулеев был арестован 1 октября 1937 г. и расстрелян в ноябре по ст. 58. Следом арестован его несовершеннолетний сын – Галям, которого приговорили к 10 годам [25. С. 368]. Спустя годы его сын – Булат (1935 г.) стал учителем, а после выхода на пенсию – священнослужителем Тарской мечети. Дочь, родившаяся после ареста отца, много лет занималась педагогической деятельностью в г. Казани [26]. Это редкий случай становления во взрослой жизни, который можно назвать исключением из правил. Высшее педагогическое образование для детей «врагов народа» оставалось условно доступным.

Федеральный закон № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий”» от 9 февраля 2003 г., подписанный Президентом Российской Федерации В. Путиным, доказывает, что в период сталинизма дети были жертвами политических

репрессий [27]. В нем указано, что дети, подвергшиеся репрессиям, должны быть реабилитированы.

Проблема политических репрессий детей остается практически не изученной. Может быть, еще не наступило то время, которое дает импульс к исследованию этого вопроса. Одной из робких попыток обращения к этому стала публикация книг памяти жертв политических репрессий. В частности, жителям Омской области, подвергшимся сталинским репрессиям, посвящено одиннадцатитомное издание «Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области». В одном из томов есть 133 фамилии детей мусульман. Очевидно, что это неполный список [28. С. 33, 36, 79, 112, 150, 156].

Репрессии в отношении мусульманского населения нашли продолжение и в дальнейшем. Ревизия национальных движений в начале 50-х гг. прошлого века привела к дальнейшему разрушению культуры и традиций «малых народов». Национальный фольклор мусульманских народов был стигматизирован клерикальностью и антинародностью [29. С. 262].

Тоталитарное развитие общества сказывается не только на непосредственных участниках тех событий, но и на последующих поколениях. До сих пор члены семей, родственники которых были репрессированы, испытывают последствия тех событий на своей психике. Они живут в страхе официальной власти, насторожены в общении с незнакомыми людьми, предпочитают говорить тихо и др.

Проведенный исторический дискурс в исторические события 1930-х гг. позволяет выделить приемы социального воспитания, которые влияют на виктимизацию человека в условиях этнорелигиозной травмы, обусловленной тоталитарным социализмом. Нами условно выделены две группы приемов: социально-психологические и правовые.

К социально-психологическим приемам отнесены: нетерпимость со стороны социального окружения; исключение из рядов пионерии (комсомола); ограничение в получении образования; создание невыносимых условий существования; лишение родительского попечения; сужение круга социальных контактов; психологическая обработка (осуждение, оскорбления, избиения, внушения); пристальный контроль; преследование вступления в брак с иноверцами и из числа семей репрессированных; разрушение социальных контактов; утрата социального статуса; игнорирование; разлучение с семьей; разрушение семейного единства; скрытие информации о членах семьи; разжигание ненависти по различию в материальном положении, этнической принадлежности, вероисповеданию; доноительство; трансформация семейных ценностей путем освещения «героических подвигов» детей, выступавших против родителей (напр., подвиг Павлика Морозова). Указанные приемы разрушительно влияют на психику человека и приводят к деструктивному социальному развитию детей, как и социальному искажению развития последующих поколений.

Вторая группа включает следующие правовые приемы: арест; заключение в лагере; ссылку в необжитые районы Сибири; заключение в исправительно-трудовую колонию; передачу в спецдом; отчисление

из образовательного учреждения; отказ в трудоустройстве; расстрел; слежку, смену персональных данных ребенка; увольнение; лишение права голоса; выселение; ограничение в переписке; раскулачивание; задержание; обыск; допрос; вербовку органами НКВД. Влияние правовых приемов способствовало разрушению всего уклада жизни человека, формированию установок страха, тревоги, подавления, вплоть до уничтожения.

Обнаруженные социально-психологические приемы находят отражение в явлениях, свойственных современности. Например, в буллинге, характерном не только для детской среды, но и для мира взрослых. Для профилактики буллинга требуется как обращение к его историческим истокам, так и консолидация усилий психологов, педагогов и социологов.

К. Бергер понимает буллинг как форму агрессивного поведения, характеризующуюся повторяемостью, умышленной направленностью на причинение любого вреда другому человеку с целью достижения власти над жертвой [30]. Эти характеристики полностью совпадают с протеканием виктимных явлений, описанных выше. Зарубежные исследователи обращают внимание на снижение негативных переживаний в случае наличия других жертв в сообществе [31]. Нами при исследовании виктимизации детей мусульман данный факт не обнаружил подтверждения.

Для предупреждения данных явлений необходимо информировать детей о буллинге, формировать понимание бедственности жертвы, обучать приемам поддержки жертв [32]. Эта проблема вызвала интерес ученых, а девять лет назад была опубликована финская антибуллинговая программа, направленная на преодоление насилия в детской среде [33]. Сегодня требуется такая работа и в России. Подобное исследование, выстроенное на исторической фактологии, может стать иллюстрацией того, как выстоять в условиях разрушительного влияния извне. Исторический опыт необходимо подвергнуть ревизии в социально-педагогическом аспекте, с тем чтобы не повторять ошибок прошлого. Отметим, что проблема буллинга имеет свойство проявляться не только в детском социуме, но и в профессиональной сфере, на рабочих местах [34].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в научных исследованиях указывается цифра – 6 млн граждан, изгнанных со своей земли [35. С. 337]. Очевидно, что в этой статистике учтены не все жертвы политических репрессий. Дети, чаще всего, таковыми не считались, поэтому масштабы трагедии можно лишь представлять. «Национальные операции», проводившиеся на территории нашей страны, имели две цели: военно-политическую (заклучавшуюся в уничтожении враждебных официальной власти социальных слоев) и социальную (заклучающуюся в «выравнивании» уклада, образа жизни и материального благополучия, «стирания» многообразия национального проявления и культурного своеобразия). Социальная цель привела к массовой виктимизации детей мусульман и надлому их во всей последующей жизни. Социальное развитие детей претерпевало существенную трансформацию, которая проявлялась в изменениях социальной идентификации, нарушениях социальной адаптации, в вытравливании национального самосознания тюркского населения (в том числе по причине резкого сокращения численности), а также в неблагоприятном прохождении социализации, формировании подчинения вышестоящему руководству на основе страха расправы и др. Дети были наиболее уязвимыми, так как не могли противостоять государственной системе с ее огромным диапазоном приемов социально-психо-логического и правового воздействия на личность. Проблема рисков социального воспитания в условиях различных общественных систем не нашла должного рассмотрения в научно-педагогических работах, поэтому хотелось бы надеяться, что проведенное исследование актуализирует указанную проблематику.

Результаты данного исследования: актуализирована ситуация социального воспитания детей мусульман в условиях политических преследований их родителей 1930-х гг. на территории Омской области (обусловленных тоталитарным социализмом); выявлено влияние социальной ситуации указанного исторического периода на социальное развитие детей, а также последующие поколения; впервые описаны приемы социального воспитания, влияющие на виктимизацию человека в условиях политических репрессий; описано явление буллинга как продолжение развития явления социальной травли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мудрик А.В. Основы социальной педагогики. М. : Академия, 2006. 208 с.
2. Журлова И.В. Социально-педагогическая виктимология. Мозырь : УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2010. 172 с.
3. Барановский Н.А. Введение в виктимологию. Минск : Амалфея, 2002. 186 с.
4. Тесля А.И. Социальная работа: введение в социальную виктимологию. Минск : БГПУ, 2009. 134 с.
5. Утков П.Ю. Роль и место социально-педагогической виктимологии в процессе подготовки специалистов с высшим образованием // Юридическое образование и наука. 2007. № 1. С. 15–16.
6. Наумчик В.Н., Паздников М.А. Социальная педагогика. Проблема трудных детей. Теория. Практика. Эксперимент. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2005. 400 с.
7. Плавник Н.К. Почему дети становятся трудными // Народная асвета. 2009. № 4. С. 89–92.
8. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / под ред. Е.Н. Волковой. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
9. Кабульдинов З.Е., Озерова О.А. Дети мусульман подвергались преследованию. URL: https://e-history.kz/ru/publications/view/deti_musulman_podvergalis_presledovaniu__4540 (дата обращения: 01.11.2019).
10. Полежаев Л.К. По воле Кремля: [Обращение губернатора области] // Забвению не подлежит: Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области : в 11 т. / ред.-изд. совет: А.И. Казанник (гл. ред.), С.А. Алексеенко (зам. гл. ред.) и др. Омск : Омское кн. изд-во, 2001. Т. 4. С. 3–4.
11. Приказ № 00486 народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова от 15.08.1936. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/15.08.1937_96_00486 (дата обращения: 16.02.2019).

12. Приказ № 00447 народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова от 30.07.1937. URL: <http://istmat.info/node/32818> (дата обращения: 16.02.2019).
13. Бескемпирова А. К. Боль и память. Петропавловск : Северный Казахстан, 2007. 332 с.
14. Hentig H. The Criminal and His Victim (Studies in the Sociobiology of Crime). New York, 1948. 461 p.
15. Татарский мир (Омск). 2007. № 1 (январь).
16. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск : СО РАН, 1997. 273 с.
17. Папков С. А. ... Дети гибнут тысячами (материалы руководителя детской комиссии ВЦИК о жертвах голода в Казахстане) // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 80–83.
18. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. Ф. 7. Оп. 5. Д. 31. Л. 8.
19. Красный Алтай (Барнаул). 1928. 16 октября.
20. Фазлыев Ж. Йе здэ бер вэгазь. Казан : Хузур, 2010. 544 б.
21. Татарский мир (Омск). 2006. № 7 (июль).
22. Архив УФСБ по Омской области. П-№ 6534, П-№ 1039.
23. Архив УФСБ по Омской области. П-№ 9698, П-№ 11735.
24. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области : в 11 т. Омск : Омск. кн. изд-во, 2003. Т. 8. 407 с.
25. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области : в 11 т. Омск : Омск. кн. изд-во, 2001. Т. 4. 429 с.
26. Тарское Прииртышье. 2001. 21 февраля.
27. ФЗ от 9.02.2003 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40917/ (дата обращения: 16.02.2019).
28. Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области : в 11 т. Омск : Омск. кн. изд-во, 2004. Т. 11. 297 с.
29. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XX век. М. : Просвещение, 2013. 336 с.
30. Berger K. Invitation to the Life Span. New York : Worth Publishers, 2014.
31. Collins N. R. Bullying. Stop the Cycle: Childhood and Adult Bullying: A comprehensive guide of proven strategies and techniques for defeating the culture of bullying for children, teens and adults. Lebanon, OH : MPB Publishing, 2014. 47 p.
32. Poyhonen V., Juvonen J., Salmivalli C. What does it take to stand up for the victim of bullying? The interplay between personal and social factors // Merrill Palmer Quarterly. 2010. Vol 56, № 2. P. 143–163. DOI: 10.1353/mpq.0.0046.
33. Salmivalli C., Karna A., Poskiparta E. Development, evaluation, and diffusion of a national antibullying program (KiVa) // Handbook of youth prevention science / eds. by B. Doll, W. Pfohl, J. Yoon. New York : Routledge, 2010. P. 238–252.
34. Jensen I. B. et al. The impact of bystanders to workplace bullying on symptoms of depression among women and men in industry in Sweden // International Archives of Occupational and Environmental Health (Springer Berlin Heidelberg). 2013. Vol. 86, № 6. P. 709–716. DOI: 10.1007/s00420060126081361.
35. Политический режим и преступность / под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 365 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 16 января 2020 г.

Risks of Children’s Social Upbringing Caused by the Political Repression of the 1930s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 187–194.

DOI: 10.17223/15617793/459/23

Zulfia A. Aksyutina, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: aksyutina_zulfia@mail.ru

Olga A. Ozerova, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). (Omsk, Russian Federation). E-mail: ozerovaolga@bk.ru

Keywords: social upbringing; victimization; risks; tricks of education; political repression; Muslims; social stigma; bullying.

Totalitarian society leaves an indelible imprint on the development of an individual, and the situation is especially difficult for children who are victims of political and social processes in the totalitarian context. Risks that exist in social upbringing lead to a pronounced victimization of children. One of these risks is a totalitarian society and the “purges” in it. The aim of the study is to identify the risks of social upbringing on the example of Muslim children of repressed parents in Omsk Oblast in the 1930s. The main method was the historiographic analysis of data obtained during the collection and processing of facts and statistics on political repression. A thought experiment, widely used in philosophical research, was applied. This method allowed “plunging” into the atmosphere of those years, recreating the experiences and traumas the victims of political and social events suffered, and identifying their social consequences. Interviewing allowed updating the historical facts caused by the childhood memories of repression and the repressed. A new methodological perspective of studying the history of the issue of children as victims of socialization included in the process of political repression is substantiated. The choice of Western Siberia as a territory for the study is due to the remoteness from the central government and the fact that the obtained empirical data are characteristic for the 1930s. The examination of the problems of socio-pedagogical victimology reveals the peculiarities of children’s behavior in the face of deteriorating conditions of socialization and the goals of the political events and their perniciousness for children’s socialization. The careless attitude of the authorities towards the fate of children left without parental care and their arrangement is assessed. The main value and significance of the study are that, for the first time, it analyzes the influence of children’s political persecution on religious and ethnic grounds on the fate of people in the present. It has been proved that political repressions aimed at children influence the destructiveness of their whole subsequent life and affect the psyche of subsequent generations. The authors conclude that the political events of the past are reflected in modern negative behavioral manifestations, for example, in bullying, alcoholism, and changes in the assessment of the value of families and children.

REFERENCES

1. Mudrik, A. V. (2006) *Osnovy sotsial'noy pedagogiki* [Foundations of social pedagogy]. Moscow: Akademiya.
2. Zhurlova, I. V. (2010) *Sotsial'no-pedagogicheskaya viktimologiya* [Socio-pedagogical victimology]. Muzyr: UO MGPU im. I. P. Shamyakina.
3. Baranovskiy, N. A. (2002) *Vvedenie v viktimologiyu* [An introduction to victimology]. Minsk: Amalfeya.
4. Teslya, A. I. (2009) *Sotsial'naya rabota: vvedenie v sotsial'nuyu viktimologiyu* [Social work: An introduction to social victimology]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University.
5. Utkov, P. Yu. (2007) Rol' i mesto sotsial'no-pedagogicheskoy viktimologii v protsesse podgotovki spetsialistov s vysshim obrazovaniem [The role and place of social and pedagogical victimology in training specialists with higher education]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. 1. pp. 15–16.

6. Naumchik, V.N. & Pazdnikov, M.A. (2005) *Sotsial'naya pedagogika. Problema trudnykh detey. Teoriya. Praktika. Eksperiment* [Social pedagogy. The problem of difficult children. Theory. Practice. Experiment]. Minsk: Adukatsyya i vykhavanne.
7. Plavnik, N.K. (2009) Pochemu deti stanovyatsya trudnymi [Why children become difficult]. *Narodnaya asveta*. 4. pp. 89–92.
8. Volkova, E.N. (ed.) (2008) *Problemy nasiliya nad det'mi i puti ikh preodoleniya* [Problems of violence against children and ways to overcome them]. St. Petersburg: Piter.
9. Kabul'dinov, Z.E. & Ozerova, O.A. (2018) *Deti musul'man podvergalis' presledovaniyu* [Muslim children were persecuted]. [Online] Available from: https://e-history.kz/ru/publications/view/deti_musulman_podvergalis_presledovaniyu_4540 (Accessed: 01.11.2019).
10. Polezhaev, L.K. (2001) Po vole Kremlya: [Obrashchenie gubernatora oblasti] [By the will of the Kremlin: [Address of the Governor of the Region]]. In: Kazannik, A.I. et al. (eds) *Zabveniyu ne podlezhit. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti: v 11 t.* [Not subject to oblivion: The Book of Memory of the Victims of Political Repression of Omsk Oblast: In 11 volumes]. Vol. 4. Omsk: Omskoe kn. izd-vo. pp. 3–4.
11. Ezhov, N. (1936) *Prikaz № 00486 narodnogo komissara vnutrennikh del SSSR N. Ezhova ot 15.08.1936* [Order No. 00486 of 15 August 1936 by N. Yezhov, People's Commissar of Internal Affairs of the USSR]. [Online] Available from: https://ru.wikisource.org/wiki/_15.08.1937_96_00486 (Accessed: 16.02.2019).
12. Ezhov, N. (1937) *Prikaz № 00447 narodnogo komissara vnutrennikh del SSSR N. Ezhova ot 30.07.1937* [Order No. 00447 of 30 July 1937 by N. Yezhov, People's Commissar of Internal Affairs of the USSR]. [Online] Available from: <http://istmat.info/node/32818> (Accessed: 16.02.2019).
13. Beskempirova, A.K. (2007) *Bol' i pamyat'* [Pain and memory]. Petropavlovsk: Severnyy Kazakhstan.
14. Hentig, H. (1948) *The Criminal and His Victim (Studies in the Sociobiology of Crime)*. New York: Yale University Press.
15. *Tatarskiy mir*. (2007) 1 (January). Omsk.
16. Papkov, S.A. (1997) *Stalinskiy terror v Sibiri. 1928–1941* [Stalinist terror in Siberia. 1928–1941]. Novosibirsk: SB RAS.
17. Papkov, S.A. (1996) ...Deti gibnut tysyachami (materialy rukovoditelya detskoj komissii VTsIK o zhertvakh goloda v Kazakhstane) [Children die by the thousands (Materials of the head of the children's commission of the All-Russian Central Executive Committee on the victims of famine in Kazakhstan)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 80–83.
18. Documentation Center of the Modern History of Orenburg Oblast. Fund 7. List 5. File 31. Page 8.
19. *Krasnyy Altay*. (1928). 16 October. Barnaul.
20. Fazlyev, Zh. (2010) *Ye zdá ber vágaz'*. Kazan: Khuzur.
21. *Tatarskiy mir*. (2006) 7 (July). Omsk.
22. Archive of the Federal Security Service Department for Omsk Oblast. P-No. 6534, P-No. 1039.
23. Archive of the Federal Security Service Department for Omsk Oblast. P-No. 9698, P-No. 11735.
24. Kazannik, A.I. et al. (eds) (2003) *Zabveniyu ne podlezhit. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti: v 11 t.* [Not subject to oblivion: The Book of Memory of the Victims of Political Repression of Omsk Oblast: In 11 volumes]. Vol. 8. Omsk: Omskoe kn. izd-vo.
25. Kazannik, A.I. et al. (eds) (2001) *Zabveniyu ne podlezhit. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti: v 11 t.* [Not subject to oblivion: The Book of Memory of the Victims of Political Repression of Omsk Oblast: In 11 volumes]. Vol. 4. Omsk: Omskoe kn. izd-vo.
26. *Tarskoe Priirtysh'e*. (2001) 21 February.
27. Consultant Plus. (2003) *FZ ot 9.02.2003 g. № 26-FZ: O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii "O reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy"* [Federal Law of 09 February 2003 No. 26-FZ: On Amendments and Addenda to the Law of the Russian Federation "On Rehabilitation of Victims of Political Repression"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40917/ (Accessed: 16.02.2019).
28. Kazannik, A.I. et al. (eds) (2004) *Zabveniyu ne podlezhit. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy Omskoy oblasti: v 11 t.* [Not subject to oblivion: The Book of Memory of the Victims of Political Repression of Omsk Oblast: In 11 volumes]. Vol. 11. Omsk: Omskoe kn. izd-vo.
29. Danilov, A.A. & Kosulina, L.G. (2013) *Istoriya Rossii. XX vek* [Russian history. 20th century]. Moscow: Prosveshchenie.
30. Berger, K. (2014) *Invitation to the Life Span*. New York: Worth Publishers.
31. Collins, N.R. (2014) *Bullying. Stop the Cycle: Childhood and Adult Bullying: A comprehensive guide of proven strategies and techniques for defeating the culture of bullying for children, teens and adults*. Lebanon, OH: MPB Publishing.
32. Poyhonen, V., Juvonen, J. & Salmivalli, C. (2010) What does it take to stand up for the victim of bullying? The interplay between personal and social factors. *Merrill Palmer Quarterly*. 56 (2). pp. 143–163. DOI: 10.1353/mpq.0.0046
33. Salmivalli, C., Karna, A. & Poskiparta, E. (2010) Development, evaluation, and diffusion of a national antibullying program (KiVa). In: Doll, B., Pfohl, W. & Yoon, J. (eds) *Handbook of youth prevention science*. New York: Routledge. pp. 238–252.
34. Jensen, I.B. et al. (2013) The impact of bystanding to workplace bullying on symptoms of depression among women and men in industry in Sweden. *International Archives of Occupational and Environmental Health* (Springer Berlin Heidelberg). 86 (6). pp. 709–716. DOI: 10.1007/s0042060126081361
35. Burlakov, V.N., Volkov, Yu.N. & Sal'nikov, V.P. (eds) (2001) *Politicheskiy rezhim i prestupnost'* [Political regime and crime]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

Received: 16 January 2020